

УДК 82.131

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228

ЧУРА НАРЫКОВ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Л.Х. Мухаметзянова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lilmuhat@mail.ru*

Цель: реконструировать образ Чуры сына Нарыка (Чуры Нарыкова), политического деятеля, исторической личности периода Казанского ханства через выявление связи между историческим эпосом и историей татарских ханств первой половины XVI в.

Материалы исследования: в статье рассматриваются всевозможные исторические источники и историческая литература, где имеется информация о реальной личности Чуры Нарыкова, о его жизни, деятельности. Автор акцентирует внимание на истории Казанского ханства XVI в., дастанские тексты, собранные и опубликованные российскими и зарубежными учеными со второй половины XIX в. Также объектом исследования выступают архивные, а также изданные эпические тексты в различных вариантах, посвященные Чура-батыру, распространенные и записанные у татароязычных информантов в Поволжье. В качестве источников при сборе информации для выяснения биографии Чуры Нарыкова как реальной личности были использованы русские летописи, «Казанская история» неизвестного автора XVI в. (1954), исторические труды Х. Атласи (1993), Р. Фахретдина (1995), М. Худякова (1990), А.Х. Халикова (1992), Д.М. Исхакова (1994, 1997, 2017), С.Х. Алишева (1995), А.-З. Валиди (1992) и др.

Результаты и научная новизна: Автор проводит параллели между исторической действительностью и эпосом «Чура-батыр», обращается к проблемам исторического объяснения богатого материала народного творчества, выявляет общее между реальностью и эпическими произведениями о Чура-батыре. Исследование системно доказывает актуальность в истории тюркских народов политических событий, связанных с татарскими ханствами, существовавшими вплоть до позднего средневековья, акцентирует внимание на тот факт, что в этот период Казань была крупным политическим центром важных событий мирового масштаба. Ключевые аспекты поднятой в исследовании темы способствуют более подробному изучению истории Золотой Орды и татарских ханств; определяют роль и историческую значимость татарской версии дастана о Чура-батыре наряду с другими тюркскими версиями и вариантами; историческая личность Чуры Нарыкова рассматривается как прототип не только татарского, но и в целом тюркского историко-героического эпоса.

Ключевые слова: Чура бек Нарыков, дастан «Чура батыр», Казанское ханство, эпический, дипломат, деятель, исторический

Для цитирования: Мухаметзянова Л.Х. Чура Нарыков – политический деятель Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 212–228. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228

Благодарность: Автор выражает признательность И.М. Миргалееву, кандидату исторических наук, руководителю Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за помощь при написании данного исследования.

CHURA NARYKOV IS A POLITICIAN OF THE KAZAN KHANATE

L.Kh. Mukhametzyanova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lilmuhat@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To reconstruct the image of Chura, the son of Naryk (Chura Narykov) – a political figure and historical personality of the period of the Kazan Khanate – based on a comparison of the historical epic with the history of the Tatar khanates in the first half of sixteenth century.

Research materials: The author analyzes various historical sources and literature with information about the real personality of Chura Narykov, his life, and his work. She focuses on the history of the Kazan Khanate in the sixteenth century and analyzes the texts of dastans collected and published by Russian and foreign scholars from the second half of nineteenth century, along with archival and published epic texts in various versions dedicated to Chura Batyr which were distributed and recorded by Tatar-speaking informants in the Volga region. In turn, information about Chura Narykov as a real person is contained in Russian chronicles, the anonymous “Kazan history” of the sixteenth century, and in publications of Kh. Atlasi (1993), R. Fakhretdin (1995), M. Khudyakov (1990), A.Kh. Khalikov (1992), D.M. Iskhakov (1994, 1997, 2017), S.Kh. Alishev (1995), A.-Z. Validi (1992), and others.

Results and novelty of the research: The author draws parallels between historical reality and the epic Chura-batyr, addresses the problems of the historical explanation of the rich material of folk art, and reveals the commonality between reality and epic works about Chura-batyr. The study systematically proves the relevance – in the history of the Turkic peoples – of political events associated with the Tatar khanates that existed until the late Middle Ages, focusing on the fact that during this period Kazan was a major political center of important events of a global scale. Key aspects of the topic raised in the study contribute to a more detailed study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates, determining the role and historical significance of the Tatar version of the dastan about Chura-batyr along with other Turkic versions and variants. The historical personality of Chura Narykov is considered as a prototype of not only the Tatar, but also the Turkic historical and heroic epic.

Keywords: Chura bey Narykov, dastan “Chura Batyr”, Kazan Khanate, epic, diplomat, figure, historical

For citation: Mukhametzyanova L.Kh. Chura Narykov is a Politician of the Kazan Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 212–228. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228 (In Russian)

Acknowledgment: The author is grateful to I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates (Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences) for help in writing this study.

Народный героический эпос составляет значительную часть истории, культурных традиций, менталитета народа, является важнейшей формой выражения этнополитического самосознания. Историческая разновидность дастана, т.е. героический эпос – это своего рода сложный механизм, отражающий ход и последствия минувших крупномасштабных событий. Героический эпос – объемный эпический жанр фольклора, на него не возлагается функция документально точного отражения нюансов реальных событий, и, как было отмечено нами, «сложно определить точное время возникновения эпических сюжетов» [17, с. 540]. Тем не менее, эпос был и остается исключительно важным источником в научном, общественном, культурном и воспитательном аспектах.

В литературном наследии тюркских народов есть произведения, которые сложно причислить к какому-либо определенному народу, будь то татары, казахи, азербайджанцы, узбеки, ногайцы, туркмены, кыргызы и т.д.; они являются общим достоянием всех представителей тюркского этноса. К таким произведениям можно отнести и исторические дастаны, повествующие о Чура-батыре. Все они относятся к периоду Казанского ханства, а именно к середине XVI в. Памятниками о Чура-батыре изобилует и татарское народное творчество. Они в основном имеют традиционный устный фольклорный генезис, далее продолжают свое существование в книжной разновидности татарского эпоса и сферы словесности. Объемный дастан и его варианты [5, с. 282–286; 29, с. 86–86; 16, с. 1–16], историческая песнь (или баит) [13; 14, с. 5–22], многочисленные предания [21, с. 51–53] посвящены этому образу в истории татар. Заслуживает особого внимания произведение, впервые опубликованное в 1862 году в «Турецкой хрестоматии» И.Н. Березина под названием «Хикаят о Наренг и Чура-батыре» [6, с. 41–56]. В книгу 1984 года издания «Татар халык ижаты. Дастаннар» («Татарское народное творчество. Дастаны») [20, с. 108–119] текст дастана был включен из данной хрестоматии.

В научной литературе фигурирует мнение о том, что прототипом дастанного Чуры-батыра является общественно-политический деятель Казанского ханства Чура Нарыков. Подобного научного взгляда по отношению к герою исторических дастанов и преданий Чура-батыру придерживаются некоторые филологи, исследующие тюркский эпос (Ф. Урманчеев [23] и Л. Ибрагимова [10, с. 7–27]), И. Закирова [9, с. 235], также историки, например, Д. Исхаков [12, с. 17–19; 11, с. 55–57] и др. (например, Х. Паксой [18, с. 9]). В исторических трудах, посвященных истории Казанского ханства, сохранились редкие сведения о деятельности Чуры сына Нарыка. Связь дастанного Чура-батыра с личностью реального Чура-бека Нарыкова также доказывается и шеджере «Родословная Чура-батыра», найденного М.И. Ахметзяновым [3, с. 323–324], где указано, что Чура сын Нарыка восходит к родам Кукес, Тама и Нарык. В дастане этот факт подтверждается в строках «*Асылымны сорасаң – Кукес углы Тамамән*» (*Спроси о моем роде – я из племени Тама из рода Кукес*). Итак, без каких-либо натяжек главный герой исторического эпоса связывается с реальным человеком. Тексты татарских и других тюркских эпических произведений, в основании которых лежат исторические события из жизни Казанского ханства, также способствуют усилению внимания к народному герою [9, с. 235], создавая возможность рассмотреть в сравнительном плане судьбы исторического и дастанного Чуры.

С конца XV в. Казанское ханство соперничало с Великим Московским княжеством, и в итоге в середине XVI в. было завоевано более сильным русским государством [22]. В исторической памяти народа этот факт истолковывается весьма своеобразно, и это грандиозное событие не могло не отразиться в эпическом фольклоре. Реакция на непосредственное влияние взятия Казани на казанских татар прозвучала в эпических жанрах народного творчества, и в первую очередь в дастанах. Героический дастан «Чура-батыр» дорог и ценен тем, что является своего рода эхом событий, воспринятых народом как национальная трагедия. Этот созвучный с национально-освободительной борьбой татарского народа эпос в историко-традиционном плане по своему стилю, форме бытования и распространения представляет огромный интерес для современной науки и широкой общественности. В фольклоре редко случается, что в творчестве одного и того же народа один и тот же сюжет, тема и образы встречаются в различных по жанру и форме народных произведениях. Самым полным и объемным из текстов данного произведения является тот, который вошел в хрестоматию И. Березина. Эпические мотивы, идеи, сюжеты и стиль общетюркского эпоса «Чура-батыр» в историческом масштабе имеют свое достойное место и выяснить это чрезвычайно важно.

Жизнь и деятельность Чуры сына Нарыка приходится на период с начала до середины XVI в., точнее, то с 1500 по 1546 гг. Как показывают исторические источники, в 20-е годы XVI в. он занимал важный государственный пост в правительстве Казани; с этого времени начинается его активная политическая деятельность. Когда протестные настроения созрели против хана Сафа-Гирея, оппозиция обратилась за помощью в Москву. В 1541 г. из Казани в Москву была отправлена делегация во главе с человеком по имени Чабык. В обращении к князю сказано: «Ныне казанским людям вельми тяжко, [Сафагирей] у многих князей ясаки поотымал да крымцам подавал, а земским людям великая продажа, копит казну да в Крым отсылает» [28, с. 101]. Все это показывает, что произошел раскол единства в правящих кругах Казанского ханства.

На Джана-Али и Шаха-Али также не приходилось возлагать каких-либо надежд. Первый из них воссел на казанский трон в возрасте 15, второй – 13 лет, и они были начисто лишены способности вести мудрую и взвешенную политику. Помимо прочего, эти правители были безвольными марионетками Русского государства, осуществляя свою деятельность в угоду Москве.

Ситуацию усугубляла усилившаяся с 40-х годов XVI в. внешняя агрессия Москвы в отношении восточных соседей. Не секрет, что последний период существования преемника Золотой Орды, некогда процветающего Казанского ханства, был ознаменован борьбой против колониальной политики усилившейся Москвы.

В исторических источниках имя Чуры Нарыкова впервые упоминается именно в эти смутные годы. Как отмечает видный татарский историк Хади Атласи: «В марте 1526 года от хана Сафар-Гирея в Москву прибыли послы: Кази-бек, Чура-бек и Давул-бахши. На сей раз они встретились в Москве с Герберштейном, посланцем от Карла V» [2, с. 298]. Значит, в 1526 году Чура достиг того возраста, который позволял ему принимать участие в государственных делах. Известно также, что до 1546 года он состоял в составе правительства. Если даже принять во внимание то, что он погиб приблизительно в сорокалетнем возрасте, вполне вероятно, что вышеупомянутый посол по

имени Чура-бек и есть тот самый Чура сын Нарыка. Что касается обстоятельства присвоения ему в 20-е гг. высокого звания «бек» в столь молодом возрасте, то на этот счет могут возникнуть два мнения. Во-первых, у татар слово «бек», следующее за мужским именем, означало «господин». Во-вторых, мурза Чура, сын Нарык-бека, титул «бек» получил уже в результате активной политической деятельности. Можно предположить, что свою деятельность в качестве дипломата он начал задолго до отправления вышеупомянутой делегации в Москву, однако об этом в источниках нет ни единого упоминания.

Чура – политический вассал ханов в период Золотой Орды, военный предводитель [19, с. 447]. В исторической литературе есть масса примеров [7, с. 107], когда в отношении Чуры Нарыкова применяется данный высокий титул. Таким образом, мы можем заключить, что Чура – представитель аристократического сословия, который жил в первой пол. XVI в. Титул «бек» («би», «бий», «эмир») присваивался тому, во владении которого был значительный участок земли [25, с. 190]. Крупные феодалы, как правило, происходили из аристократических родов. Если рассуждать, опираясь на законы Казанского ханства об общественном устройстве, то в распоряжении у Чурабека находилась земля, оставшаяся ему по наследству от его отца, а его вооруженное войско было под ведомством самого хана. По словам неизвестного автора «Казанской истории», Чура, помимо 500 служилых, владел также 1000 воителей-яугиров и примкнувших к нему князьями [15, с. 82].

Со временем Чура-бек начинает играть важную роль во внешней политике своей страны в вопросах взаимоотношений с Крымским ханством и Москвой. Это происходит именно в тот период, когда внутривосточные силы разделяются на два противоположных лагеря, образуются восточная и западная, или русская партии. Условно восточная партия во внешней политике ориентирована на союз с Крымским ханством, а западная держит курс на Русское государство.

Чура Нарыков примкнул к промосковским мурзам. Представители западной партии, ратующие за союз с Русским государством, ведут активную деятельность в составе правительства ханства на протяжении 15 лет, т.е. с 1531 по 1546 гг. [28, с. 112]. Разгар внутривластных распри в Казанском ханстве также приходится на период с 1530 по 1546 гг. Об этом свидетельствуют частая смена правящих ханов, распри и конфликты между двумя противоборствующими группировками и, наконец, продолжающиеся военные столкновения с Русским государством.

В татарском языке слово «чура» также означает: «раб» [19, с. 447]. Это, в свою очередь, дает нам основание сконцентрировать наше внимание на дипломате Колчуре; о нем есть упоминания в исторических хрониках. В 1532 г., после изгнания из трона хана Сафа-Гирея, Колчурю посылают в Москву для выяснения вопроса о следующем ставленнике. «Временное правительство постановило не принимать на престол Шаха-Али, кандидатуру которого навязывала Москва, но который был несимпатичен казанцам по своим личным качествам. Заявив отвод против русского кандидата, временное правительство все же осталось в сфере русской ориентации, и в ханы было избрано лицо, проживавшее в России – Касимовский удельный царевич Джан-Али, брат Шах-Али. Для переговоров с русским правительством в Москву были отправлены послы Кул-Чура и Форузат» [28, с. 95]. Сведения о Колчуре имеют-

ся и в трудах Х. Атласи. Колчура вместе с Файрузатом привез ярлык от имени Хуршиды-бики, Хаджи-Гали мирзы, Булат-бека, сынов Казани, беков, сайдов, мурз, а также от всей Казани [2, с. 298] Хотя Чура-бек Нарыков числился членом правительства с 1526 года, о нем не сказано конкретно в связи с этим политическим актом. Поэтому возникает вполне естественный вопрос: а не являются ли Колчура и Чура-бек одним и тем же лицом? Но надо также учесть то, что историки, упоминая эту личность в своих исследованиях, применяют рядом с именем Чура титул «бек», а также хвалебные эпитеты «трудолюбивый», «смелый», «талантливый», «известный», тем самым подчеркивая его особый статус. Что же касается Колчуры, то в его отношении таких особенностей не замечено. Еще один довод в пользу отрицания тождества этих двух персон – имя Колчуры упоминается в источниках 1549 года [2, с. 148]; в это время Чура-бека уже нет в живых.

Х. Атласи, рассказывая о «возвращении Василия Беречинского в Казань 11 февраля 1534 года», снова упоминает о некоем по имени Чура. Однако следующие слова Х. Атласи «этот человек (Василий Беречинский – Л.М.) поехал в Казань, чтобы оповестить Джан-Али хана о смерти Василия и становлении его сына Ивана в качестве великого князя. Чура вместе с Василием приезжает в Москву. Учитывая, что Чура был из рода мулл города Казани, Джан-Али отправляет его в качестве посла в Москву» [2, с. 305] снова наталкивают нас на вывод, что Чура не имеет никакого отношения к Нарыкову, т.к., во-первых, первый происходит из рода мусульманских служителей, а во-вторых, при первом же упоминании в исследовании Х. Атласи Чура представлен как человек, сведений о котором ранее никаких не было. Чура Нарыков же начиная с 1526 года в исторической литературе личность весьма известная, поэтому в отношении последнего в своих трудах историк употребляет выражение «известный политический деятель».

С 1526 по 1531 гг. – период сравнительно спокойный и стабильный в жизни Чура-бека. В эти годы Чура-бек становится видным общественным деятелем, политиком, искусным дипломатом. Но здесь снова возникает вопрос: ведь в Казанском ханстве был не один только придворный политик или дипломат по имени Чура. В исторической литературе это имя употребляется довольно часто. Например, в интересующий нас период в источниках встречаются: Колчура, муллазаде (сын муллы) Чура, Чура Кадышев, Бикчура, Чура Кадыев, Шахчура, Качура и др. Вообще, в первой пол. XVI в. это имя в ханстве было очень популярно. Возможно, именно этим объясняется большое количество мест в топонимике современной территории Татарстана, связанных с именем Чура. В пользу этого довода можно привести лишь несколько примеров по республике Татарстан: деревня Чурабатыр в Нурлатском районе [27, с. 50], яма Чура би, упоминаемая в многочисленных татарских легендах и преданиях [21, с. 51–53], река Чураби [8, с. 120], протекающая вблизи деревни Карауджа Зеленодольского района и т.д. Вполне вероятно, что одно из таких мест связано с Чурой сыном Нарыка.

Проследившая далее по историческим документам судьбу этой личности, замечаем, что вновь его деятельность активизируется в 1546 году. Однако, прежде чем перейти к этой дате, сделаем небольшое отступление.

Михаил Худяков период с 1521 по 1550 гг. в истории Казанского ханства оценивает как время подъема у населения самосознания и укрепления патрио-

тических чувств. Но раскол общества на два противоборствующих лагеря, один из которых держал курс на Крым, другой – на Москву, также приходится на эти годы. Вполне объяснимы ход мыслей и действий Крымского и Русского государств, преследующих свои интересы в отношении Казанского ханства. Раздираемое между двумя сильными соседями государство татар начинает стремительно терять единство и стабильность во внутреннем устройстве. Приведем один только пример: 1 марта 1519 г. казанский престол по указанию Москвы занимает Шах-Али, которому на тот момент едва исполнилось 13 лет. Конечно, малолетний хан ничего не мог сделать для укрепления и сплочения страны, но его и посадили на трон отнюдь не с этими целями. В это время у стен казанского кремля русские выставили свои вооруженные отряды, по сути, ханством управляют русские послы. В таких условиях внутри ханства за короткий срок назревает оппозиция против неспособного и слабого правителя. Сторонники этой оппозиции находят поддержку со стороны Крымского государства. Вскоре во главе Казанского ханства становится Сахиб-Гирей.

Таким образом, управление Казанским ханством попеременно сосредотачивается в руках то Московского, то Крымского правительств. Частая смена ханов на Казанском троне становится обыденным и привычным явлением как для народа, так и для аристократии. Раскол в обществе, произошедший некоторое время назад, еще более усиливается: одни с еще большей надеждой смотрят в сторону Крыма, другие – продолжают искать поддержку у Москвы. Хотя в умонастроениях общественных и политических деятелей Казани все еще теплится стремление не потерять остатки государственной самостоятельности, все же в этот важный для ханства период национальному самосознанию не удается сплотить воедино противоборствующие элементы внутри страны. С целью подчинения Казанского ханства Русскому государству постепенно готовятся предпосылки. После неудачного военного похода на Казань в 1530 году русское правительство склоняет казанских послов к заключению союза с Москвой, мол этот союз на руку ханству. Эту идею активно поддерживают члены русской партии в Казани. Находясь на службе при правящей верхушке в ханстве вот уже на протяжении 15 лет, они вовсе не намерены ослаблять вожжи в своих руках.

С 1521 по 1531 г. казанский престол занимали представители династии Гиреев (1521–1524 – Сахиб-Гирей, 1524–1532 – Сафа-Гирей). Во главе оппозиционной группировки против этих ханов стоял известный деятель Булат Ширин. После свержения в 1531 году хана Сафа-Гирея оппозиция еще более активизировалась, увеличив в своих рядах сторонников в лице мурз и беков до 70-80 человек [28, с. 112]. Наиболее видными сторонниками этой партии выступали: Нурали Ширин, Гаухаршад, Саит Боерган, Кадыш, мурзы Отуча, Баубек, Чура-бек, мурза Кулыша и др. Активный период деятельности Чура-бека как-раз и связан с этой группой. Поэтому политическую биографию Чура-бека нужно рассматривать в связи с ней.

Как известно, в 1532 году на место изгнанного Сафар-Гирея пришел Джан-Али. Очевидно, что переворот со сменой власти в ханстве связан с нажимом со стороны небезызвестной партии. Было бы необъективно утверждать, что, учитывая свою прорусскую ориентацию, члены этой партии, в том числе и Чура-бек, были предателями своего народа. М. Худяков пишет об этом так: «...переворотом 1531 года русская партия была обязана не иск-

ренному желанию поставить Казанское ханство в зависимость от иностранцев, а стремлению спасти государство от дальнейшей войны и от продолжения агрессивной политики ханов Гиреев» [28, с. 98]. Вполне можно согласиться с данной позицией ученого. Действительно, главной мотивацией данной политической группы было стремление к сохранению самостоятельности ханства. В этот период можно наблюдать следующую картину: при появлении первой же возможности освободиться от давления чужого государства, казанское правительство сразу принялось вставать с колен и вести самостоятельную политику, не считаясь с русским правительством. Например, в 1533 году в Казанском ханстве рождаются подходящие условия для возвращения к самостоятельности. Это связано с кончиной Василия III и появлением некоторых изменений во взаимоотношениях между Москвой и Казанью. В ханстве авторитет русской партии сходит на нет, напротив, – влияние восточной партии укрепляется, активизируется торговля с ногайцами. Правительство ханства во главе с Гаухаршад и Булатом Ширином спешит воспользоваться этими изменениями. Неожиданный переворот в политике Казани завершается дворцовым переворотом. И здесь важно отметить следующее: те из чиновников, которые остались недовольны переворотом, покинули свою родину и сбежали на территорию Русского государства. Среди них оказались: Шаабан и Шах-Булат Япанчи, Карамыш и Евлуш Хурсули и др. [28, с. 99] Однако большинство представителей окол властных социальных групп в переломный исторический период остались на своих местах с намерением и далее служить своей стране и народу. Чура Нарыков был одним из них.

Но приход к власти Сафа-Гирея не привел ханство к самостоятельности. Казань снова полыхала: крымский хан сплотил вокруг себя приближенных, при этом они не наметили общих целей. Представители русской партии в ханстве считали, что крымское давление ничем не отличается от московского, т.к. изгнанный с трона в 1531 году Булатом мурзой и Чурой Нарыковым Сафа-Гирей в государственных делах больше опирался не на них, а на верных ему крымчан. Таким образом, ханство переживало новый виток потрясений. Оппозиция против хана в лице Булата Ширина, Чуры Нарыкова и др. усилилась, она вновь встала на сторону Москвы, и в тайных переговорах с русскими обсуждало пути избавления от неугодного им Сафа-Гирея. В мае 1541 года казанские послы, приехав в Москву, передали о состоянии дел в ханстве [28, с. 101]. Доклады ханских беков и мурз московскому правительству об обстановке в Казани стали в те годы обыденной вещью.

В начале 1545 года в Казани готовился второй по счету переворот по свержению Сафа-Гирея. Русские воинские подразделения с трех сторон подтягивались к столице Казанского ханства. Но на деле, по причине слабой подготовленности мятежа, переворот потерпел фиаско. Это событие не прошло бесследно. Сафа-Гирей начал вести репрессивную политику, которая повлекла за собой очередную волну эмиграции татарских чиновников в Москву. Для предводителей оппозиции Булата мурзы и Гаухаршад начались гонения: их отстранили от занимаемых должностей и вынудили отдалиться от политических и государственных дел. М. Худяков достаточно высоко оценил деятельность партии во главе с этими личностями, однако отметил на недостаточность источников и документальных материалов для более глубокого ее изучения.

Предпринятые Сафа-Гиреем меры против оппозиции и ее предводителей оказались недостаточными и не достигли своей цели. Место Булата Ширина и Гаухаршад занял проработавший с ними долгие годы «сеид Беюрган, князь Кадыш (брат князя Отуча) и талантливый деятель Чура Нарыков» [28, с. 102]. Таким образом, происшествия 1545 года привели Чуру Нарыкова в самый эпицентр дальнейших политических событий.

Летом 1545 года группа Чуры Нарыкова обратилась в Москву с просьбой оказать им военную помощь. В июле 1545 года казанские беки Кадыш и Чура послали к Ивану своих людей и просили выслать войско на Казань. Они надумали взять под стражу Сафа-Гирея, а также его приближенных и выдать их русским. Могла ли быть для Ивана новость лучше, чем эта? Он выслал своего посла к Кадышу и Чуре с приказом о взятии в плен хана; также заверил их, что в скором времени на подмогу вышлет им войско [2, с. 318]. Все же, возможно, по причине неудачного похода на Казань в 1545 году, русское правительство с осторожностью подошло к просьбе казанцев об оказании им военной помощи, тем более, что до конца оно им не доверяло. В ответ на эту просьбу правительство Москвы заявило, что вышлет в Казань войско только после того, как оппозиция снимет с ханского престола Сафа-Гирея. Поэтому партии Чура-бека оставалось рассчитывать исключительно на свои силы. Не удивительно, что для таких высокопоставленных чиновников Казани, как Саит Боерган и Чура Нарыков, жесткие репрессивные меры хана, которые обостряли и без того натянутую внутри государства ситуацию, казались намного хуже, чем проводимая в отношении Казанского ханства политика Москвы.

Наконец, готовившийся столь длительное время переворот осуществился в январе 1546 года – Сафа-Гирей был низвергнут с ханского престола. В Казани организовано временное правительство в составе Саита Боергана, Кадыша мурзы и Чура Нарыкова. Но ошибочно было бы полагать, что, несмотря на изначально прорусскую ориентацию данного правительства, оно исполняло свою деятельность исключительно во благо московского правительства. Нижеследующие исторические факты доказывают ошибочность данной установки.

Известно, что в 1546 году после своего изгнания с престола Сафа-Гирей вновь направился в Казань. Получив военную помощь от правительства Астрахани, Сафа-Гирей окружил город. Временное правительство устояло и для обновления межправительственного договора и обсуждения кандидатов на казанский трон из Москвы в Казань прибыло посольство. Несмотря на различие мнений в ханстве по вопросу престолонаследия, сильное влияние русского правительства берет верх, и следующим ханом вновь назначается Шах-Али.

В данной ситуации обратим внимание на некоторые факты из деятельности правителей Казани Саита Боергана, Кадыша мурзы и Чура-бека. В марте 1546 года новоиспеченный хан Шах-Али прибыл в Казань с четырехтысячным войском, из них было три тысячи – касимовских, тысяча – русских военных. Казанцы с недоверием поглядывали на нового хана, московского ставленника, старались контролировать его действия. То, что Шах-Али вошел в город лишь с войском из ста касимовских татар – лишнее тому подтверждение. Русские же военные, сопровождавшие хана, вынуждены были остановиться вне стен Казани. Можно согласиться с мнением историка М. Худякова, который пишет: «Очевидно, правительство сеида Беюргана, князя Кадыша и Чуры Нарыкова,

представлявшее русскую партию, не утратило своего национального самосознания и, держа русских в известных границах, смотрело на союз с Москвою лишь как на неизбежную необходимость, но не питало какой-либо сердечной привязанности к соседнему государству» [28, с. 110]. Мало того, надо признать также, что деятельность партии в составе Булата Ширина, Гаухаршад, Сайта Боергана, Кадыша мурзы и Чура-бека в течение 15 лет ее существования была направлена на отпор всяким внешним нападкам и притязаниям. В самые сложные и перипетийные этапы в жизни Казанского ханства им не раз удавалось находить компромиссные решения и выходить из них с честью и достоинством. Все эти непростые годы, используя дипломатическое мастерство, они стремились действовать рука об руку с казанскими ханами. Один из самых ярких и талантливых представителей этой группы, Чура Нарыков, всю свою жизнь подчинил службе своему государству и народу. Прежде всего, он был искусным политиком, который всегда был в курсе происходящих событий в стране и за ее пределами [24, с. 120].

По законам исторической последовательности, до трагедии в жизни Чура Нарыкова остается совсем немного времени. Шах-Али, пришедший к власти во второй раз, правит ханством всего месяц. «Несмотря на щедрые восхваления хана Шаха-Али из уст известного чиновника Чуры мурзы и его призывы к народу в проявлении послушания и верности своему правителю, подобные воззвания к подданным ханства не имели успеха» [24, с. 120]. После сбежавшего Шаха-Али ханский трон вновь занимает Сафа-Гирей. И снова в Казани начинаются аресты и гонения на неугодных. На сей раз карательный жезл хана падает на Чура-бека. В исторической литературе до этого была распространена версия об убийстве Чура-бека от руки Сафа-Гирея в 1546 году. По поводу трагической гибели этой личности можно привести всего три версии:

- 1) он был убит в 1547 году по приказу хана Сафа-Гирея;
- 2) он погиб в столкновении с группой казанцев в результате предательства хана Шаха-Али;
- 3) В 1552 году Чура-бек вступил в сражение с войском Ивана Грозного, но скорее всего, уже после сражения погиб в кровавой схватке с захватчиками.

Если принять во внимание первую версию, то мотив расправы Сафа-Гирея с Чура-беком вполне понятен. Он долгие годы возглавлял оппозицию хану, поэтому Сафа-Гирею есть за что предъявить ему обвинения. М. Худяков пишет об этом так: «Казнены были князь Чура Нарыков, князь Кадыш, князь Баубек и другие сторонники союза с Россией» [28, с. 111]. Эту же информацию доносит до нас Р. Фахретдинов: «Он [Сафа-Гирей] расправился с такими мунафиками, т.е. двуличными чиновниками, как Чура мурза» [24, с. 105]. Эту же версию подтверждает и Х. Атласи: «Сафа-Гирей хан предал казни Чуру Нарыкова, Баубека, Кадыш-бека, и кроме них многих других» [2, с. 331]. Мы также считаем, что Чура-бек был казнен в 1547, а возможно даже в 1546 году, т.к. Сафа-Гирей занял престол в апреле-мае, и за 6-7 месяцев успел распорядиться судьбами своих врагов.

«Казанская история» по вопросу о смерти Чуры Нарыкова предоставляет новые сведения. В нем речь идет о его гибели в схватке с казанцами. Дескать, Чура-бек организовал бегство Шаха-Али из Казани в Москву, сам же спустя 10 дней, собрав всех домочадцев хана, 500 вооруженных слуг, 1000 военных, пустился вдогонку за ханом. Однако в условленном месте, где их должен был

дождаться хан, они никого не обнаружили. По какой-то причине хан не сдержал своего обещания и предал Чура-бека. В этот момент их догнали казанцы» ...и убили они храброго своего воеводу Чуру Нарыковича с сыном его и со всеми отроками его как изменника Казани и царского доброхота. И только жена его с рабынями живой возвратилась в Казань» [15, с. 80]. О помощи Чуры Нарыкова хану Шаху-Али в побеге в Москву сообщает и Р. Фахретдин: «Сафа-Гирей вновь был призван ханствовать. Узнав об этом, Чура мурза вошел в покои к Шаху-Али и призвал его бежать до окончания лета, иначе дела могут принять дурной оборот» [24, с. 122].

По нашему мнению, объединив первую и вторую версии, можно найти более подробные сведения. Как сообщается в исследовании М. Худякова и в «Казанской истории», «Шах-Али бежал из Казани вниз по Волге на судах. На Волге ему удалось встретить касимовских татар и на их лошадях добраться до русской границы, он поселился в Касимове» [28, с. 111]. «Когда же царь и воевода его были готовы к побегу и настала ночь того дня, ... проводил Чура царя из Казани до Волги, выпустив его и уговорив бежать. ... Ибо разгневался князь Чура на казанцев из-за царя Шигалея за то, что обманули они царя, не послушавшись его совета, и, клятвенно пообещав ему безопасность, захотели убить его...» [15, с. 78]. Об этих же событиях Р. Фахретдин пишет следующим образом: «Шах-Али в праздник 'Ид аль-Фитр (по словам Соловьева, это событие приходится на 1546 год) бежал из Казани и, сев в лодку вниз по Волге направился в Москву» [24, с. 122].

В любом случае, возможно, Чура Нарыков и спроводил хана на побег, хотя прямых указаний на это в источниках не имеется. Таким образом, если соединить между собой две основные версии, то получается, что Чура-бек был приговорен к казни ханом Сафа-Гиреем. После того, как Чура-бек помог Шаху-Али бежать и сам пустился за ним вдогонку, однако в пути его настигли казанцы и расправились с ним.

Итак, у нас складывается следующая картина. Сафа-Гирей, вернув себе власть, сплотил вокруг себя представителей восточной партии. Параллельно с этим он решил расправиться с неугодной ему группой Чуры Нарыкова. Почувывая опасность Чура-бек призвал Шаха-Али бежать в Москву. В столь смутное и противоречивое время в истории ханства Чура-бек понимал, что ему также необходимо скрыться, хотя бы на какое-то время. Во время побега его настигла группа приверженцев нового хана и умертвила. В живых остались лишь его жены, дочери и рабыни; они были возвращены обратно в Казань. Такой вывод не противоречит по своей сути сведениям из источников.

Таким образом, жизнь Чуры-бека обрывается осенью 1546 года. Можно было бы на этом поставить точку в наших исследованиях. Однако третья версия о последних днях Чура-батыра, о которой речь шла выше, также добавляет новые загадки в биографии этой исторической личности.

А.Х. Халиков приводит следующие сведения в отношении фамилии Нарыковых: «Известная княжеская фамилия в Казани около середины XVI века. В 1546 году Чура Нарыков и его брат встречали Шах Али в Васильсурске. В 1546–1552 гг. Нарыковы играли видную роль в Казани. В 1551 году Чура Нарыков был «побит» за непослушание Ивану IV, а его брат Алексей мурза Нарыков в 1552 году перешёл на службу к Ивану Грозному. От него, очевидно, пошли Нарыковы» [26, с. 135]. Автор этих строк, приводя данные сведе-

ния, опирается на русские летописи. Согласно им, в 1546 Чура-беку удалось бежать от угроз со стороны Сафа-Гирея и его приближенных. Более того, в том же году, находясь в Васильсурске, он встретил бежавшего в Москву Шаха-Али. В период с 1546 по 1552 гг. «исключительная роль Нарыковых в жизни Казани» очевидна. Но здесь речь идет не о Чуре Нарыкове, а о его братьях – Исламе и Галикее (в некоторых источниках – Аликей). Их имена часто встречаются в исторической литературе. Оба они являются сторонниками группы Чура-бека. В 1551 году он предается казни по приказу Ивана IV. Мы с осторожностью должны относиться к этим данным, т.к. большинство из приводимых здесь фактов носят противоречивый характер.

Итак, информация о том, что в 1546 году Чура Нарыков остается в живых, не находит своего подтверждения. Но в этом году среди эмигрантов, переехавших из Казани в Москву, есть братья Чура-бека, мурзы по имени Ислам и Галикей.

Д.М. Исхаков пишет о том, что в Ногайской Орде в 1549 году упоминаются братья Чуры Нарыкова: «... речь идет об Исламе мурзе и Аликее мурзе (гоним). Как видно из хроник Ногайской Орды, они бежали от Сафа-Гирея к ногайцам. Эти мурзы участвуют и в событиях 1552 года» [12, с. 17]. Получается, что сначала в 1546 году Ислам и Галикей Нарыковы переехали из Казани в Москву, а затем в 1549 году обосновались в ногайских землях, но при этом периодически переезжали с места на место. Известно, например, что в 1552 году они находились в Казани. После кончины Сафа-Гирея в 1546 году вполне вероятно, что эмигранты могли вернуться.

По требованию казанцев, в марте 1552 года Шах-Али покинул Казань и обосновался в городе Свияжск. Это произошло накануне вторжения в Казань русских воевод. «Когда наместник приехал на Бежбалду (деревня, расположенная на месте Адмиралтейской слободы), – пишет М.Худяков, – трое из сопровождавших его казанцев – кн. Ислам, кн. Кебек и мурза Алике Нарыков (брат покойного Чуры Нарыкова) попросили у него разрешение ехать вперед. Разрешение было дано, и они уехали в город» [28, с. 142]. Войдя в Казань, они закрывают за собой ворота, народ же призывают противостоять русским. В результате – план мирной передачи ключей от Казани русским терпит полный провал. После государственного переворота, случившегося 9 марта 1552 года, Ислам мурза погибает в сражении с русскими на правом берегу Волги. Что касается Галикея, то он входит в состав правительства Казани в период правления Ядгара-хана. Других сведений о Нарыковых в источниках после 1552 года не имеется. Итак, как указывает А. Халиков, Галикей мурза Нарыков в 1552 году перешел на службу к Ивану IV и был переименован в Алексея» [26, с. 135].

Выше упомянули, что жизненный путь Чуры Нарыкова в 1546 году заканчивается. В таком случае, кто есть тот Чура, о котором говорится, что он боролся с русскими захватчиками и испытал на себе гонения со стороны Ивана IV? В одной из легенд говорится: «Сын Чура-бия был Чура-батыр. Он погиб, сражаясь за земли Карауджа (совр. г. Зеленодольск в Республике Татарстан – Л.М) во время завоевательных походов Ивана Грозного» [21, с. 51–53]. В «Казанской истории» упоминается о женах и детях Чура-бека [15, с. 77–79]. Если опираться на эти исторические материалы, то небезосновательно было бы предположить, что родословная Чуры сына Нарыка по муж-

ской линии не оборвалась в тот трагический период в его жизни. Эту версию поддерживают и некоторые полуполюгендарные шеджере, которые имели хождение в народе. Остановимся подробнее на одном из таких источников, опубликованных знатоком старинных татарских рукописей и шеджере Марселем Ахметзяновым [4, с. 34].

Некий человек по имени Карауджа (Кара-Куджа) сын Кара-бия, родом из местности Каравай в Казани, оставляет родные места и основывает деревню Карауджа. Один путешественник, проезжая через эту деревню, проклинает ее за то, что ему не подали там воды для омовения. Не на шутку испугавшийся Карауджа протягивает трем своим сыновьям по стреле и говорит: «Стреляйте из лука, куда воткнется стрела у каждого из вас, основывайте в том месте деревню». Важной здесь представляется информация о Чураби – третьем сыне Карауджи. Согласно этой легенде, его стрела вонзается в яму, которая сегодня носит название Чураби посреди деревни Большая Карауджа. Чураби сын Карауджи основывает там деревню. Впоследствии его казнят московский царь по обвинению в измене русскому правительству. Его сын, Чурабатыр, сражаясь с войском Ивана Грозного, погибает в деревне Зур Карауджа. Сын Чура-батыра Рисмет, сын Рисмета Кадирмет, его сын – Гиззатулла; далее следуют еще 7 имен, 7 поколений по мужской линии. В «Примечании» автор книги подчеркивает тесную связь между родословной Карауджи и историей Казанского ханства.

Также заметим, что описанные выше события из легенды «Карауджа» являются одной частью этой родословной. Другая версия этой легенды приводится в книге Ф. Гариповой [8, с. 119].

Таким образом, нам известны две личности по имени Чура, которые оставили заметный след в истории. Первый – известный казанский бек Чура Нарыков, второй – его сын Чура-батыр. Если отец Чура по известным причинам в 1546 году был казнен ханом Сафа-Гиреем, то что касается его сына, он героически погиб чуть позднее, защищая Казанское ханство.

Д.М. Исхаков приводит в своих исследованиях известные среди ученых родословные с именем Чура. Одна из них найдена на территории современного Башкортостана, другая – родословная «Карауджа», о которой шла речь выше, и третья – крымская родословная Аргынов [11, с. 55]. По его мнению, связь между первой и двумя другими родословными проходит через Чура-бия и Кара Гуджу (Кара Коджа). Он связывает генеалогическую линию Чурабека с одной из четырех аристократических родословных беков в Казанском ханстве – кланом Аргынов.

Так, например, в одной родословной, приводятся имена: отец Чуры Нарик, отец Нарика – Кукас. В татарских, крымскотатарских, казахских и ногайских дастанах имя Кукас фигурирует как: Кукеш, Кукешли, Тама. Чура-батыр о себе говорит: «Я Тама сын Кукеса (Кукеш)». И тут же автор приводит следующее сведение о Чура-батыре, происходящее из рода тамьян-катай, впоследствии записанное башкирами: «... Мурза по имени Курек из рода Джагылбай был казаком... У Нарыка-бая от его жены Тансылу родился сын по имени Сура. Второй его сын – Ширин, родился спустя несколько лет» [11, с. 55]. Имя Ширин встречается в казахских народных дастанах, посвященных Чура-батыру [30, с. 140]. В эпосе Ширин представляется как сестра Чура-батыра. По мнению Д. Исхакова, это имя в тюркском мире получило известность начиная с

эпохи Золотой Орды. Историк также связывает его с правящим кланом беков Ширинов в Казанском, Крымском и Касимовском ханствах.

В татарской версии дастана главный герой Чура-батыр храбро сражается с врагами, беспощадно громит вражеское войско. В конце дастана разгоряченный боевой конь батыра падает в Волгу и Чура-батыр тонет. Однако гибели героя произведение не заканчивается. Далее в дастане говорится: «Позднее, после смерти Чура-батыра, русское войско одержало победу и пала Казань. Через год после Казани русскими был взят и Хаджитархан (Астрахань – Л.М.). Так закончился сказ о Чуре-батыре» [10, с. 158]. Упоминание об этом событии заставляет просмотреть эпос «Чура-батыр» еще раз с начала до конца. Дастан напоминает об отношениях между преемниками Золотой Орды – Казанью и Крымом, Казанью и Астраханью, Казанью и Ногайской Ордой, а также Казанью и московским государством в середине XVI в. Эпический фольклор так или иначе скрещивает фольклорную и историческую память народа.

Выводы. В сюжете тюркских, в том числе татарских, дастанов героико-исторического характера о Чура-батыре тесно сплелись судьбы батыров и страны, трагические события в жизни главного героя эпоса восходят к трагедии Казанского ханства, преемницы Золотой Орды. Описывающее мужество и героизм главного героя Чуры сына Нарыка народное произведение в какой-то момент превращается в историческую хронику, перечислив подчинение друг за другом татарских ханств (Казанское ханство, Астраханское ханство) русскому царю в порядке исторической действительности. Есть все основания заключить: причины того, что Чура-бек, славный потомок благородного татарского рода, становится настоящим героем народных эпосов кроется в одном едином для всех тюркских народов и народностей источнике. Большая популярность этого героя в народных дастанах татар, казахов, ногайцев связана прежде всего с исторической действительностью. Исследование судьбы Чуры Нарыкова в связи с Казанским ханством раскрывает перед нами сложную, полную трагических моментов и развязок жизнь этой легендарной личности.

Основываясь на исторических источниках, мы исследовали основные этапы жизнедеятельности Чуры Нарыкова. Этот государственный деятель вошел в народные татарские, крымско-татарские, казахские, ногайские, каракалпакские дастаны как борец за свободу своей страны. В этих произведениях данный герой в своем противостоянии врагу дошел до кровавых событий 1552 года, его образ возведен в ранг борца за освобождение не только Казанского, но и других татарских ханств. Дошедшие до наших дней различные варианты объемных дастанов тюркских народов, повествующих о доблестном герое Чуре сыне Нарыка, дополняют его эпическую биографию важными деталями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 158 с.
2. Атласи Н. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 446 б.
3. Әхмәтҗанов М.И. Нугай урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Мәгариф, 2002. 344 б.

4. Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 128 б.
5. Баязит Р. Яңа кала. Чура батыр // Ак юл. 1915. № 16. Б. 282–286.
6. Березин И. Турецкая хрестоматия. Казань, 1862. 144 с.
7. Вәлиди Ә.-З. Кыскача төрек-татар тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 180 б.
8. Гарипова Ф. Авылларны сөям жаным-тәнем белән. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 144 с.
9. Закирова И.Г. Эпическая биография Чингизхана // Вестник Татарского Государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 1 (23). С. 233–238.
10. Ибраһимова Л. Х. Төрки халыклар иҗатында «Чура батыр» дастаны. Казан: Фикер, 2002. 190 с.
11. Исхаков Д. М. Чора-батыр – кто он? // Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 154–162.
12. Исхаков Д.М. Чура батыр кем ул? // Идел. 1994. № 9. Б. 17–19.
13. Казан тарихы // Насыйри К. Календарь 1881 елга. Казан, 1880. 365 б.
14. Казанская история // Катанов Ф. Исторические песни казанских татар. Казань, 1899. Б. 5–22.
15. Казанская история (Ист. повесть 16-го в.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.
16. Кыйссаи Чура батыр. Казан: Вечеслав тип., 1884. 16 б.
17. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537-550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550
18. Паксой Х. Б. Чура батыр кисәтүе // Идел. 1994. № 9. Б. 9.
19. Татар теленен аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т. III. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 832 б.
20. Татар халык иҗаты. Дастаннар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 384 б.
21. Татар халык иҗаты. Риваять һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 368 б.
22. Татары. Сер. Народы и культуры (2-е издание, дополненное и переработанное) / Сост. Габдрахманова Г.Ф., Тишков В.А., Трепавлов В.В., Хакимов Р.С., Исхаков Д.М., Рамазанова Д.Б., Аксянова Г.А., Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., Миргалеев И.М., Зайцев И.В., Аксанов А.В., Маслоуженко Д.Н., Салихов Р.Р., Габдрафикова Л.Р., Галлямова А.Г., Халиков Н.А., Сафина Ф.Ш., Донина Л.Н., Суслова С.В. и др. М.: Наука, 2017. 799 с.
23. Урманчиев Ф. И. Чура батыр // Мирас. 1995. № 7–8. С. 17–27.
24. Фәхретдин Р. Казан ханнары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 190 б.
25. Фәхретдинов Р.Г. Татар халкы һәм Татарстан тарихы. Борынгы заман һәм урта гасырлар: Гомуми урта белем мәктәпләре, гимназияләр һәм лицейлар өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 1996. 255 б.
26. Халиков А.Х. Болгар-татар чыгышлы 500 рус фамилиясе. Казан: Изд-во «Казань», 1992. 192 б.
27. Хәйри Ә. Шәһре-Бану – Шәрбән кыйссасы. Яр Чаллы, 1996. 59 б.
28. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринтное воспроизведение издания 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 310 с.
29. Юлдаш К. Чура батыр // Ан. 1916. 5 нче сан. Б. 85–86.
30. Shaikhystamova M., Ergobek K., Islam D., Burkitbaeva M., Korganbekov B. Common measure-patterns of ancient Turkic literature in teaching B. Kenzhebayuly's research «The structure of the Kazakh Poem» // Journal of Language and literature, Vol. 7. No. 2. May, 2016, pp. 140–145. DOI: 10.7813/jll.2016/7-2/25

Сведения об авторе: Лилия Хатиповна Мухаметзянова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К.Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0071-7058, IстинаResearcherID (IRID): 99527520. E-mail: lilmuhat@mail.ru

Поступила 30.11.2021 Принята к публикации 24.02.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Alishev S.Kh. *Kazan and Moscow: Interstate Relations in the fifteenth and sixteenth centuries*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 158 p. (In Tatar)
2. Atlasi H. *History of Siberia. Syumbike. Kazan Khanate*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1993. 446 p. (In Tatar)
3. Akhmetzyanov M.I. *The Nogai Horde: The Historical Heritage of the Tatar People*. Kazan: Magarif, 2002. 344 p. (In Tatar)
4. Akhmetzyanov M.I. *Tatar Ancestry*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 128 p. (In Tatar)
5. Bayazit R. New town. Chura batyr. *The White Way*. 1915, no. 16, pp. 282–286. (In Tatar)
6. Berezin I. *The Turkish Reader*. Kazan, 1862. 144 p.
7. Validi A.-Z. *Brief Turkish-Tatar History*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1992. 180 p. (In Tatar)
8. Garipova F. *I love the Village with All My Heart*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1994. 144 p. (In Tatar)
9. Zakirova I.G. Epic biography of Chinggis Khan. *Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University*. 2011, no. 1 (23), pp. 233–238. (In Russian)
10. Ibrahimova L.Kh. *Dastan “Chura Batyr” in the Creativity of the Turkic Peoples*. Kazan: Fiker Publ., 2002. 190 p. (In Tatar)
11. Iskhakov D.M. Chora batyr: who is he? Iskhakov D.M. *Historical Essays*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 154–162 (In Russian)
12. Iskhakov D.M. Chora batyr: who is he? *Idel*, 1994, no. 9, pp. 17–19. (In Tatar)
13. Kazan history. Nasyri K. *Calendar, 1881*. Kazan, 1880, p. 365. (In Tatar)
14. Kazan history. Katanov F. *Historical Songs of Kazan Tatars*. Kazan, 1899, pp. 5–22. (In Russian)
15. *History of Kazan (historical tale of the sixteenth century)*. Moscow; Leningrad: Akademii nauk SSSR Publ., 1954. 195 p. (In Russian)
16. *The Legend of Chura Batyr*. Kazan: Vecheslav tipografyase, 1884. 16 p. (In Tatar)
17. Mukhametzyanova L.Kh. The Tatar Epic «Edigu»: An echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550 (In Russian)
18. Paksoy Kh.B. Chura Batyr’s warning. *Idel*. 1994, no. 9, pp. 9. (In Tatar)
19. *Explanatory Dictionary of the Tatar Language. In 3 Volumes*. Vol. 3. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1981. 832 p. (In Tatar)
20. *Tatar Folk Art. Dastans*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1984. 384 p. (In Tatar)
21. *Tatar Folk Art. Traditions and Legends*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1987. 368 p. (In Tatar)
22. *Tatars. Series “Peoples and Cultures”*. Ed. by Gabdrakhmanova G.F. et al. Moscow: Nauka Publ., 2017. 799 p. (In Russian)

23. Urmancheev F. I. Chura batyr. *Heritage*. 1995, no. 7–8, pp. 17–27. (In Tatar)
24. Fakhretdin R. *Kazan Khans*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 190 p. (In Tatar)
25. Fakhretdinov R.G. *Tatar People and the History of Tatarstan. Ancient and Middle Ages: A Textbook for Secondary Schools, Gymnasiums and Lyceums*. Kazan: Magarif, 1996. 255 p. (In Tatar)
26. Khalikov A.Kh. *500 Russian Surnames of the Bulgaro-Tatar Origin*. Kazan: “Kazan” Publ., 1992. 192 p. (In Tatar)
27. Khayri E. *Shahre-Banu – the Legend of Sharban*. Yar Chally, 1996. 59 p. (In Tatar)
28. Khudyakov M. *Essays on the History of the Kazan Khanate* (reprint reproduction of the 1923 edition). Kazan: Fond TYaK, 1990. 310 p. (In Russian)
29. Yuldash K. Chura batyr. *Conscience*. 1916, no. 5, pp. 85–86. (In Tatar)
30. Shaikhystamova M., Ergobek K., Islam D., Burkitbaeva M., Korganbekov B. Common measure-patterns of ancient Turkic literature in teaching B. Kenzhebayuly’s research “The structure of the Kazakh Poem”. *Journal of Language and Literature*. Vol. 7, no. 2. May, 2016, pp. 140–145. DOI: 10.7813/jll.2016/7-2/25

About the author: Liliya Kh. Mukhametzianova – Dr. Sci. (Philology), G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, (12, K. Marks Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0071-7058, IStinaResearcherID (IRID): 99527520. E-mail: lilmuhat@mail.ru

*Received November 30, 2021 Accepted for publication February 24, 2022
Published March 29, 2022*